

7. Некрасов как певец трудящихся и обездоленных

"Он проповедовал любовь враждебным словом отрицанья". С отрицания, конечно, и должен был начать всякий передовой писатель эпохи борьбы за освобождение. Но если Некрасов и после того, как "порвалась цепь великая", вместо ликующих гимнов продолжал прежнюю отрицательную работу, будя общество тревожным вопросом: "Народ освобожден, но счастлив ли народ?" - то и в этом отношении он не занимал исключительного положения среди наших лучших писателей. По общим условиям нашей гражданственности только такая работа и была у нас возможна: развитие положительной стороны передового мировоззрения встречало всегда неодолимые препятствия...

"Иных времен, иных картин провижу я начало в случайной жизни берегов моей реки любимой", - мечтает поэт в маленькой поэме "Горе старого Наума". "Освобожденный от оков, народ неутомимый созреет; густо заселит прибрежные пустыни; наука воды углубит... По гладкой их равнине суда-гиганты побегут несчетною толпою, и будет вечен бодрый труд над вечною рекою!.. Мечты!.. Я верую в народ..." Если не считать следующих затем выразительных строк, сплошь состоящих из точек, то нарисованную в приведенных стихах картину грядущего народного счастья нельзя не признать довольно-таки смутной... Кого, однако, винить в этом?

Не раз упрекали Некрасова в том, что он и современную ему действительность изображал одними мрачными, отрицательными красками, не видя в ней решительно ничего светлого, отрадного. Но эти упреки совершенно неосновательны: поэзия Некрасова изображает и то положительное, что было в русской жизни. Такова хотя бы целая галерея обаятельных портретов народных заступников и печальников, нарисованных поэтом в целом ряде произведений; перед нашими глазами проходят Грановский, Белинский (непосредственно и в образе Крота в "Несчастных"), Добролюбов, поэт-семинарист Гриша, Ермила Гирин, Саша (этот прелестный степной цветок, еще не вполне распутившийся), "дедушка"-декабрист, герои и героини стихотворений "Пророк", "Кузнец", "Ты не забыта", собственная, наконец, мать поэта... Но главным положительным героем Некрасова является сам русский народ в лице его главной составной части - крестьянства... Мы только что привели признание поэта: "Мечты!.. Я верую в народ..." В устах Некрасова это не красивая только фраза, а действительная "мечта" исстрадавшегося сердца, его последнее прибежище и святыня.

Воспевать мужицкие страдания поэт начал, как мы видели, рано, с первого же стихотворения, создавшего ему известность; но нота настоящей влюбленности в народ зазвучала в стихах его не сразу. Когда по окончании Крымской войны всем стало ясно, что идти дальше по пути мрака и застоя Россия не может, не рискуя своим историческим существованием, общество русское вдруг поняло, что есть некто, чьи интересы в тысячу раз важнее для блага и счастья родины, чем интересы небольшой своекорыстной кучки дворян. То был великий исторический момент... Могучая общественная волна подняла и Некрасова; в поэзии его, более свободно звучавшей теперь, чем в сороковые годы, появились новые, то гневные, то восторженные ноты... Одно за другим стали выходить в свет наиболее сильные и характерные его произведения. [*"Тишина", "Размышления у парадного подъезда", "В столицах шум", "Ночь", "На Волге", "Деревенские новости", "Крестьянские дети", "Похороны", "Коробейники", "Свобода", "Зеленый шум", "В полном разгаре страда", "Орина", "Мороз, Красный нос", "Железная дорога", "С работы" и прочие.*] К сожалению, размеры настоящей статьи не позволяют нам распространиться о том, какую видную роль сыграли эти произведения в возникновении и развитии того замечательного идеалистического движения в нашей литературе, которое известно под именем народничества. Недаром так любил Некрасова один из главных его представителей - Г. И. Успенский.

Но как же, собственно, рисовал себе Некрасов выступившего на историческую сцену "прекрасного незнакомца"? Не видел ли он в русском народе, подобно славянофилам-почвенникам, особой мистической глубины, делающей его народом-избранником, образцом и поучением для "гнилого" Запада? Ради великих страданий, выпавших на долю народа, не закрывал ли глаз на его теневые, отрицательные стороны? Ничего подобного. Ни квасного, ни мистического элемента нет и следа в любви Некрасова к крестьянину, доходящей порою до восторженного удивления, но остающейся всегда здоровой и трезвой.

Брабстве спасенное
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное! -

вот что в особенности привлекает поэта в русском народе: его гуманность, терпимость даже к врагу, его героическая бодрость в страдании.

Его ли горе не скребет?
Он бодр, он за сохой шагает,
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя,
За личным счастьем не гонись
И Богу уступай, не споря!

Пресловутое мужицкое терпение, которое в минуты отчаяния поэт сам клеймит не раз именем рабского отупения, в моменты более спокойные представляется ему свойством того же "спасенного в рабстве" "золотого" сердца. Это - не холопство, не нравственное падение, а, напротив, результат сознания своей могучей стихийной силы, которую никакое испытание сломить не может, беззаветная вера в конечное торжество правды, глубокое чувство общественной солидарности, наконец - органическое отвращение к насилию, природное добродушие...

Княгиня Волконская, по дороге к мужу-декабристу оскорбленная офицером-бурбоном, заходит в убогую сибирскую церковь и просит попа отслужить молебен.

За что мы обижены столько, Христос,
За что поруганьем покрыты? -
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты.

Толпа богомольцев-простолюдинов остается молиться вместе с нею.

Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках Бога.
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно!

В другой раз при мысли о народе из измученной груди княгини вырываются следующие трогательные слова, несомненно выражающие мысль самого поэта:

Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди:
Помедлим немного... Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнании, где я ни была,
Все трудное каторги время -
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть -
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,

Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ...

Превосходными образчиками гуманности этого народа и его способности сочувствовать всему живому и страдающему служат два прекрасных стихотворения: "Похороны" (отношение крестьянина к захожему человеку, который по неизвестной причине наложил на себя руки) и "С работы" (голодный крестьянин прежде всего заботится о том, чтобы была накормлена его голодная лошадь). С редким добродушием и терпимостью выслушивают некрасовские мужики (в "Кому на Руси жить хорошо") самозащиту помещика и попа, которых не имеют, конечно, особенных причин любить и жаловать, а выслушав - признают, что в этой защите есть доля правды, и решают исключить попа и помещика из списка предполагаемых счастливыхцев...

Такое понимание "сердца народного" не мешает Некрасову, как мы уже говорили, ясно видеть все недостатки и даже пороки народа, и прежде всего - его умственную темноту и заскорузлое невежество, делающие его способным на поступки, о которых в лучшем случае только и можно сказать: *sancta simplicitas!* [*святая простота!* (лат.)] - как о той старухе, которая, желая угодить Богу, принесла вязанку дров на костер Гуса. Достаточно указать на стихотворение "Так, служба! сам ты в той войне дрался - тебе и книги в руки", где рассказывается ужасная история идиотски-добродушного избиения мужиками целой семьи пленных французов. Стихотворение это подвергалось не раз ожесточенным нападениям "патриотической" критики как грубая фальшь и чуть ли даже не злостная клевета на народ, и поэт, очевидно, вняв ей, поместил в конце концов пьесу в отдел "Приложений". Между тем в доказательство того, что сюжет ее не придуман, что в "великом" двенадцатом году подобные истории случаться могли, можно бы привести аналогичную историю, рассказанную Тургеневым в "Однодворце Овсянникове" ("Записки охотника"). Сравнив две эти истории, мы видим, что у Некрасова есть нечто если не оправдывающее, то по крайней мере объясняющее ужасный поступок крестьян: они убивают француза, очевидно, в порыве "патриотического" озлобления:

Поймали мы одну семью,
Отца да мать с тремя щенками:
Тотчас ухлопали мусью,
Не из фузеи - кулаками!

А дальше в убийцах просыпается человеческое чувство сожаления, хотя и нашедшее себе исход в уродливо-диком, ужасном поступке. У Тургенева дело происходит несравненно проще и потому ужаснее. Крестьяне Смоленской губернии, поймав "француза" Леженя, не "тотчас ухлопывают" его, а запирают на ночь в пустую сукновальню и лишь наутро приводят к проруби и предлагают "уважить" их - нырнуть под лед речки Гнилотерки. Француз, конечно, упрямится; тогда мужики, не оставляя добродушной насмешливости, начинают поощрять его "легкими" толчками в шею... Патриотическое озлобление до такой степени отсутствует, что когда проезжий помещик предлагает крестьянам в качестве выкупа за Леженя двугривенный на водку, они отвечают ему хором: "Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его".

Но если стихотворение "Так, служба!.." далеко от идеализации русского народа, то надо сказать, что оно не единственное у Некрасова. Можно отыскать немало страниц в его произведениях, где рисуются даже прямо отталкивающие нравы и типы народные: "Тройка", "Проводы", "Кумушки", "Влас" (до его перерождения), "Крестьянский грех" в "Пире на весь мир". Отнюдь не могут быть названы идеализированными и такие лица, как Ванька и Тихоныч, главные герои "Коробейников" (этой лучшей народной поэмы Некрасова).

Со всем тем не подлежит, конечно, спору, что достоинства народного характера бесконечно перевешивают в глазах нашего поэта все недостатки и пороки. И в общем поэзия Некрасова может быть рассматриваема именно как сплошной восторженный гимн трудящимся, рабочим слоям русского народа. Для иллюстрации этого положения нам пришлось бы выписать чуть не половину его книги... Чем, например, иным, как не гимном труду, следует назвать всю поэму "Мороз, Красный нос"? Какой теплотой и любовью дышит каждый штрих хотя бы этой прелестной, изумительной по реальности красок картинки летней крестьянской работы!

Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.
Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.
Телега, скрипя, подъезжает -
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.
- Бог помощь! А где же Гришуха? -
Отец мимоходом сказал.
"В горохах", - сказала старуха.
Гришуха! - отец закричал,
На небо взглянул. - Чай, не рано?
Испить бы... - Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.
Гришуха меж тем отозвался;
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.
Бежит!., у, бежит постреленок,
Горит под ногами трава...
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова...
Машутка отцу закричала:
Возьми меня, тятка, с собой, -
Спрыгнула с мешка и упала,
Отец ее поднял: "Не вой!
Убилась - не важное дело,
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!
Смотри же..."
Жена застыдилась:
Довольно с тебя одного! -
(А знала - под сердцем уж билось
Дитя)... "Ну, Машук, ничего!" -
И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил;
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатыл.
Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась,
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,
Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Во избежание каких-либо недоразумений спешим повторить сделанную уже в предыдущей главе оговорку. Народ, сосредоточивающий на себе все внимание, все тревоги и чаяния поэта, есть совокупность всех трудящихся масс населения, без различия классов и орудий труда; на Некрасова нельзя смотреть поэтому как на певца и адвоката исключительно крестьянского горя. Если последнее он воспевал, действительно, всего чаще и охотнее, то объясняется это вполне естественно и просто: крестьянство составляло во времена Некрасова (как, впрочем, и до сих пор составляет) подавляющую по своей численности массу русского

населения и притом являлось главной жертвой царившего зла (а крепостное право было лишь наиболее ярким его проявлением). Страдания мужика были, таким образом, в глазах Некрасова как бы символом страданий всего русского народа... Но все забытые, все обездоленные одинаково находили в нем своего певца и друга...*[В высшей степени курьезными представляются нам утверждения г-на Ашешова ("Образование", 1902, No 12), будто любовь Некрасова к народу и вера в него "были смутны и неопределенны, ибо были лишь романтическими терминами народничества без ясного анализа по существу". - "Некрасов, как и романтики народничества, даже те, которые резко подчеркивали свое тяготение к определенному трудящемуся слою, представление о народе имели слишком общее, быть может, только немногим более рельефное, чем люди 40-х годов, когда они мечтали об освобождении крестьян как массы вообще (!), независимо от составляющих ее элементов". - "Как романтик неопределенной народной скорби Некрасов устарел. Его тоска не может развивать (?) элементы нашего мировоззрения, стремящегося быть точным и определенно-устойчивым". - "Но за исключением этой особенности (неопределенности народной скорби и самого народа) у Некрасова все же остается целое колоссальное богатство мотивов, в которых ярко светится любовь не к народу вообще, а к обездоленным, несчастным и униженным". Путаница "точных и определенно-устойчивых" взглядов самого г-на Ашешова в последних, подчеркнутых нами, словах выступает особенно ярко. Любопытны также его чисто эстетические взгляды. "В сфере любви и личных настроений Некрасов никнет" (это, например, в "Трех элегиях" или в "Я посетил твое кладбище"?!)... "Его сатиры умрут скоро, если еще не умерли" (что не мешает строгому критику в другом месте назвать классическими "Размышления у парадного подъезда")... "Его мелкие лирические стихотворения долговечны еще менее"... Одним росчерком развязного пера г-н Ашешов, очевидно, подписывает смертный приговор таким общепризнанным перлам русской поэзии, как "Родина", "Ликует враг", "Не рыдай так безумно", "Душно! без счастья и воли", "Баюшки-баю", "О муза, я у двери гроба" и пр., и пр.].*

Среди жертв человеческого насилия, жестокости и невежества, быть может, наиболее беззащитной является женщина:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!

И русская женщина, на какой бы ступени общественной лестницы она ни стояла, нашла в лице Некрасова одного из пламеннейших своих адвокатов. Устами любимого героя (Гриши) Некрасов высказывает уверенность, что затерянные ключи от счастья женского будут все же когда-нибудь разысканы ("Еще ты в семействе покуда раба, но мать уже вольного сына!").

Нарисованные им женские образы - одни из самых пленительных в русской литературе. Прежде всего это образ собственной матери поэта, воспетой во множестве стихотворений и поэм; затем - Катерина из "Коробейников", Саша из поэмы того же названия, Дарья из "Мороза", княгини Трубецкая и Волконская, Матрена Тимофеевна из "Кому на Руси жить хорошо". Далее следуют героини мелких стихотворений: "Я посетил твое кладбище", "Памяти Асенковой", "Свадьба", "В больнице", "Тяжелый крест достался ей на долю", "Дешевая покупка", "В полном разгаре страда", "Песня Любы"...

Рядом с женщиной немало теплых страниц посвящено Некрасовым и детям. *[Не забыты гуманным поэтом даже животные, так много страдающие от людской жестокости ("На улице", "О погоде", "Дедушка Мазай и зайцы", "Соловы", "Мороз, Красный нос", "С работы").]*

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей? -

с болью и ужасом спрашивал поэт, и в произведениях его то и дело встречаются то глубоко трогательные картинки из детской жизни, то негодующие обращения к обществу,

которое недостаточно озабочено охраной этих беспомощных, беззащитных существ ("Мороз, Красный нос", "Плач детей", "Несчастные" (первая часть), "О погоде", "Крестьянские дети", "Деревенские новости", "Демушка" и "Волчица" в "Кому на Руси жить хорошо").

Специально для детей написан им целый ряд всем известных и столь любимых детьми стихотворений.

"Любит несчастного русский народ", - писал поэт, и в его собственной душе тоже нашелся уголок для несчастных отверженцев человеческого общества. Кроме стихотворений "Еще тройка" и "Благодарение Господу Богу" у Некрасова есть целая большая поэма ("Несчастные"), посвященная ссылке и каторге. К сожалению, поэма эта, нестройная в целом (первая часть чисто формально связана со второй), страдает крупными частными недостатками. Лицо, от имени которого ведется рассказ, до конца остается неясным и бледным; образ убитой женщины не выдержан: в первой части - это "ангел в грозе и демон у пристани желанной", а во второй части - "женщина пустая, с тряпичной дюжинной душой"... Растяннутость (особенно первой части) также вредит впечатлению. И при всем том "Несчастные", благодаря пронизывающему их теплоту, гуманному чувству, массе поэтических подробностей, а главное - яркой и оригинальной фигуре Крота (Белинского), до сих пор остаются одной из популярнейших поэм Некрасова. Описывая каторгу задолго до появления "Записок из Мертвого дома", Некрасов, естественно, сделал несколько крупных промахов в обрисовке этого совершенно неведомого тогда русскому обществу мира. Замечательно, однако, что поэтическим чутьем он сумел угадать некоторые чрезвычайно жизненные и правдивые черты из быта "несчастных". Таково, например, страстное стремление арестантов к свету знания, их любовно-внимательное отношение к рассказам попавшего в их среду образованного человека:

Забыты буйные проказы,
Наступит вечер - тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина...
Никто сомкнуть не думал очи
И не промолвил ничего.
Он говорит - ему внимаем
И, полны новых дум, тогда
Свои оковы забываем
И тяжесть черного труда.

Из многочисленных и разнообразных мотивов некрасовской поэзии отметим еще мотив пробуждающегося человеческого достоинства у приниженого и обезличенного раба. Впервые был затронут Некрасовым этот мотив еще в 1848 году в стихотворении "Вино" ("Без вины меня барин посекал, сам не знаю - что случилось со мной..."), и к нему не раз возвращался он впоследствии: вспомним хотя бы "На постоялом дворе" ("Из ночлегов") и своеобразное проявление того же чувства в притче "Про холопа примерного - Якова верного":

Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного
Барин, - холоп задурил!

Полное духовное перерождение человека, нравственно, казалось, совершенно погибшего, поэт рисует нам отчасти в "Горе старого Наума", особенно же ярко - в знаменитом "Власе", который как бы символизирует таящиеся в русском народе огромные силы...

Рядом с народною жизнью внимание Некрасова часто останавливается и на разных течениях русской общественной жизни, на нарождающихся типах интеллигенции. В лице Агарина перед нами оригинальная разновидность Рудина; в "Медвежьей охоте" - насмешливая характеристика русского "общественного мнения" и "либерализма"; в "Современниках" - типы всевозможных дельцов и аферистов (еще в 1846 году в стихотворении "Секрет" Некрасов выразил свое крайне отрицательное отношение к нарождавшейся русской "буржуазии"). Стихотворения "Песня Еремушке", "Она была исполнена печали", "Песня Любы", "Я сбросила мертвящие оковы" и прочие рисуют любопытные общественные настроения иного характера.

Гриша ("Пир на весь мир") - представитель поколения семидесятых годов, которое несло в народ свои знания и любовь... Поэт верит, что русская интеллигенция посеет добрые семена на почве богатого, но дремлющего народного духа, - и русский народ скажет ей "спасибо сердечное"... Остается отметить ряд наиболее проникновенных и трогательных стихотворений Некрасова, в которых он высказывает свой взгляд на роль писателя вообще и на свое писательское призвание в частности. Назначение поэта, по его мнению, - "напоминать человеку высокое призвание его", чтоб "человек не мертвыми очами мог созерцать добро и красоту".

Казни корысть, убийство, святотатство,
Сорви венцы с предательских голов!

Таков идеал поэта-гражданина, поэта-бойца, который рисуется Некрасову в его задушевнейших мечтаниях, но который для себя самого он считает недостижимым:

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Идея эта с особенной настойчивостью высказана в известном диалоге "Поэт и гражданин". Смелый призыв гражданина: "В такое время стыдно спать!" - встречает в душе поэта одно отчаяние. В свободном слове есть отрада, соглашается он, - но дело в том, что лира его никогда не была свободной: при первых же звуках ей пришлось умолкнуть... А умереть - не хватило мужества:

Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои. -
Душа пугливо отступила...
: : : : : : :
Склонила муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.

И поэт решает: "Шел один венок терновый к ее угрюмой красоте..."

Самооценка, несомненно, крайне субъективная и несправедливая, но характерно, что она проходит яркою нитью через всю поэзию Некрасова. Самодовольство ей чуждо, напротив, - черта, делающая нравственный облик нашего поэта особенно симпатичным и привлекательным. Только в очень редких, исключительных случаях с лиры его срывается гордый, счастливый звук: поэт сознает, что по мере сил выполнил свою великую миссию служения народу... Таково предсмертное стихотворение:

О муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба -
Не плачь! завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский - взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную музу...